

ЯКОВ АЛЕКСЕЙЧИК

СТО ТЫСЯЧ КОРОЛЕЙ, ПОТЕРЯВШИХ ДВА ГОСУДАРСТВА

В последнее время на белорусских просторах, особенно в кругах интеллигенции, стало модным искать “благородные корни” в родословных. Недавно один минский актёр, фамилию которого хорошо знают и российские театралы, и кинозрители, заявил, что происходит из польских князей. Ему, правда, никто не подсказал, что княжеских фамилий у любого народа было раз, два — и обчёлся. Ну, да ладно, актёр всё-таки популярный. Современный белорусский поэт, кстати, весьма хороший, который всю жизнь подчёркивал, что ведёт свою родословную от хлебобобовских деданок, поэтому, по его же стихотворному признанию, даже по городу ходит, нагнув голову, словно за плугом, притом всегда шагает осторожно, будто идёт по лугу и боится наступить на птичье гнёздышко, тоже вдруг стал утверждать, что нужно “возродить шляхту”. Похоже, забыл ветеран литературы, что ходить бы ему всю жизнь как раз за плугом, а не извлекать звуки из лиры Аполлона, если бы, как и в давние времена, всем продолжала заправлять шляхта — не дружил ведь “бархатник” с пахотником. Впрочем, только ли тогда! Вот уже и в наши дни в некоторых сегментах политического лексикона запестрели словечки из шляхетского обихода: “быдло”, “болото”, “быдлятина”, “хамский народ”. Правда, с добавлениями, относящимися уже к новейшему времени, — “колхозники”, “совки”.

Уже возникли и соответствующие объединения по признаку древности крови. Даже спор обозначился, кто старше: шляхта Речи Посполитой или русские дворяне? Где найдёшь таких шляхтичей, которые бы не спорили с русскими! И наследники шляхты, конечно же, утверждают, что их сословие древнее на целых триста лет и, конечно же, лучше русского дворянства, даже понятие благородство в польском языке обозначается как “шляхетность”. Правда, в белорусском, как и в русском языке, слово “шляхтич”, а тем более “шляхтук” имеет заметно выраженный ироничный оттенок и подразумевает, как правило, тех, кто непомерно задирает нос. Эта ироничность имеет, скорее, охладительный характер: мол, умерь свой пыл, человек, но иногда и осудительный, если кто-то и вовсе не способен посмотреть на себя со стороны, однако сами носители “шляхетности”, как правило, остаются уверенными в своей правоте и действуют чаще всего с неубывающей настырностью.

Минувшим летом по одному из минских телеканалов был показан фильм “Белорусская шляхта: от раздела до разбора”. Под разделом подразумевается расчленение Речи Посполитой, совершённое Австрией, Пруссией и Россией в конце XVIII века, а разбор — это то, что произошло через несколько десятилетий после раздела, когда шляхте, оказавшейся в Российской империи,

было предложено предъявить документы, подтверждающие её принадлежность к данному сословию. Фильм любопытен двумя нюансами. В первой его части устами молодых историков и известного театрального режиссёра говорилось о благородстве самого сословия, о том, что главным для тех, кто принадлежал к нему, было представление о чести, которое столетиями передавалось из поколения в поколение и являлось основным достоянием шляхтича. Плюс золотая вольность и равенство, господствовавшее в этом сословии, согласно которому любой шляхтич мог быть избран королём. Современный польский историк Януш Тазбир в интервью журналу “Новая Польша” заключил, что именно убеждение в абсолютном равенстве стало главной причиной избрания на польский королевский трон иностранцев, так как “магнаты не могли прийти к согласию, какой из знатных родов достоин сесть на престол”, поскольку “каждому из этих магнатов грезилась корона”. Потому и “выбирали преимущественно иноземного короля, веря, что будет легче опутать его новыми ограничениями”. Более того, шляхта, подчёркивает Януш Тазбир, уже в XVI веке “считала себя самым совершенным слоем нации, а поляков – принадлежащими к ведущим народам Европы – вершиной вершин”, её мегаломания – самовлюблённость – “достигала заоблачных высот”. Ещё в XVII столетии писатель-францисканец Войцех Дембленцкий, говоря о рае, утверждал, что “там тоже говорили по-польски”. Два столетия спустя всё это вылилось в теорию о польском мессианстве, главными “двигателями” которой были сокурсники по Виленскому университету философ-мистик Анджей Товяньский, основавший в Париже секту “Круг Божьего дела”, а также выдающийся польский поэт Адам Мицкевич, в жилах которого, кстати, не было ни капли польской крови. Согласно этой концепции Польша – единственная католическая и единственная христианская страна, и она должна искупить грехи всего человечества. Теперь о своей избранности поляки узнают чаще всего именно со слов Мицкевича, из его “Книг польского народа и польского пилигримства”.

В том телефильме театральный режиссёр особо подчёркивал, что шляхтич был европейским человеком, рыцарем с именем и достоинством, а основной его обязанностью было служение королю и государству. Разумеется, когда речь заходит о белорусской шляхте, надо понимать, что белорусской её стали называть сейчас, потому что она обреталась на территории, которая нынче входит в границы Республики Беларусь. Сама же она к белорусам себя вряд ли относилась, а попытки сделать это, скорее всего, приняла бы за оскорбление, поскольку, можно не сомневаться, идентифицировала себя с “ведущим народом Европы”, хотя и вела свою родословную от русичей и поначалу называлась боярством, а также от литовцев, евреев, татар и других народов, которые здесь проживали. Но вот вторая часть фильма была посвящена рассказу о том, как шляхтичи, для которых, как только что утверждалось, самым главным было чувство чести, оказывается, поголовно занимались подделкой документов, подтверждающих благородное их происхождение и, надо полагать, право на столь ревностное отношение к чести. Таких бумаг от них потребовал императорский указ, последовавший после польского восстания 1830–1831 годов, запустивший процесс “разбора”. При этом авторы фильма утверждали, что подделкой документов занимались буквально все, потому что если кто и не подделывал сам, то знал, кто это делает. Более того, столицей подделки был назван Минск, где возник настоящий синдикат, именно так сказано в фильме, во главе которого стоял Викентий Дунин-Марцинкевич, который и ныне почитается как один из основоположников белорусской драматургии. Его пьеса “Пинская шляхта” стала белорусской классикой, и белорусу без неё уже невозможно представить национальную литературу. Достоинства этого водевиля подтверждаются и тем, что он поныне находится в репертуаре многих трупп, в том числе Национального академического театра имени Янки Купалы, а в 2013 году её сценическая версия удостоена Государственной премии Республики Беларусь.

Создатели фильма отметили, что Дунин-Марцинкевич писал её на основе хорошего знания материала и ситуации, правда, писал уже в тюрьме, куда попал за подделку документов, которая зачастую состояла в том, что нужно было написать соответствующие данные в архивные документы или “пополнить” архивы “нужным документом”. Был бы только доступ к архиву. Особенно отличился в те годы минский чиновник Гаусман, который на этом заработал на дом в Минске и имение в окрестностях Минска. При обыске у него была

найдена целая коллекция печатей, наличие которой он объяснил тем, что очень интересуются античностью. Подделкой документов занимались не только в Минске, но и в Гродно, в могилёвском дворянском собрании, и бороться с таким явлением было невозможно, поскольку служащими государственных учреждений являлись тоже шляхтичи или люди, претендовавшие на шляхетство. Проверка, проведённая в 1852 году государственным чиновником Спрогисом, показала, что бумаги, представленные в имперскую герольдию на подтверждение дворянского происхождения, были на сто процентов фальшивыми. Впрочем, кое-кто утверждал, что один процент документов можно было отнести всё-таки к настоящим.

Шляхты в Речи Посполитой было много. Если в Российской империи численность дворянства не превышала и одного процента населения, что подтвердила перепись 1897 года, то в Речи Посполитой – до десяти процентов подданных, а в отдельных регионах – значительно больше. Некоторые исследователи утверждают, что кое-где к шляхте себя относил не менее половины обывателей. В упомянутом фильме говорится, что самодержавие настойчиво стремилось к уничтожению шляхты не только потому, что после разделов её “притекло” с избытком, но больше всего потому, что она “имела достоинство”, постоянно бунтовала, и в этой ситуации подделка документов стала главным средством борьбы с властями, стремящимися к ущемлению “золотых вольностей”.

Разумеется, ограничение вольностей имело место быть, было и понуждение к выполнению конкретных обязанностей, однако статистика тех лет напоминает, что в конце XIX века, уже после “разборов”, выходцы из Речи Посполитой составляли примерно треть российского дворянства – даже несколько больше, чем собственно русские.

Однако в данном случае резонно сосредоточиться на двух моментах. Во-первых, из-за чего все-таки пала Речь Посполитая, в которой главную роль играли люди, выше всех ставившие честь и достоинство, у которых “был только один долг: выступать в поход, защищать Родину, изгонять врага со своей родной земли”? Ведь утверждается, что “шляхта” происходит от немецкого schlagen – “бить”, а дословный перевод – “люди сражения, вояки, воины”. А поскольку Речь Посполитая, в которую входило Польское королевство и Великое княжество Литовское, Русское и Жмудское, управлялась и защищалась именно такими людьми да ещё и была самым крупным государством в Европе, то вопрос: “Почему случился упадок, а затем и исчезновение, и только ли кровавадные соседи виноваты в её разделах?” – приобретает особую значимость. Во-вторых, весьма интересно, откуда у многовековых приверженцев чести взяли “навыки” для создания целого “синдиката” фальсификаторов? В этой связи придётся обратиться к иным источникам.

Для начала приведём цитату, пусть пространная, зато весьма красноречивая. Вот они: “Кто не верит, может проверить, что Адам Смит в самом деле именно так написал о государстве наших предков: “В Польше, насколько нам известно, не производится ничего, за исключением простейших вещей, необходимых для домашнего хозяйства, которые производятся везде”. И далее: “Главной причиной, из-за которой давняя Речь Посполитая вынуждена была пасть, ...даже если бы якобинцы (французские. – **Авт.**) не подталкивали к принятию угрожающей российским интересам конституции и даже если бы польская политическая система не была целиком парализована “либерум вето”, была шляхетская анархия и магнатское самовольство... Речь Посполитая Обоих Народов была редким примером полной непродуктивности и невероятного растраниживания огромных ресурсов. Её хозяйственная деятельность ограничивалась продажей на запад плодов земли и природы. Единственным известным нашим предкам методом максимализации прибыли было всё более усиливающееся обдирание крестьян – даже до уровня, означющего заталкивание их в нечеловеческую нищету и отсталость, а также всё более грабительская эксплуатация лесов”.

Дальше – ещё резче: “Жители менее благословенных Господом стран вынуждены были заниматься торговлей, ремеслами, судоходством, комбинациями, создавать мануфактуры и банки, придумывать фонды, чеки, облигации. Поляки же всё то, что само не выросло в поле, покупали, пока хватало средств, притом покупали в наилучшем виде и со временем всё больше утверждались в убеждении, что всякий труд позорит, что нахождение в доме ка-

кого-нибудь изделия, произведённого в собственной стране, — это попросту последнее дело. Для торговли был еврей, кухней и опекой детей занимался француз, стекло должно было быть голландским, ружьё — английским. Трудно себе представить что-то более паразитическое и непродуктивное, нежели Речь Посполитая Обоих Народов. Стоит ли удивляться, что однажды Бог посмотрел на неё сверху и решил: пора с этим кончать”. Для большей убедительности автор сослался на авторитетных в нынешней Польше учёных: “Искренне советую книгу Ежи Лоека о Конституции 3 Мая; книгу, которую он не смог целиком издать при жизни не столько из-за политической цензуры, сколько из-за того, что сформулированные в ней тезисы, неопровержимо подтверждённые документами и трудами западных историков, превращают в ничто бессмысленно лелеянное в Польше представление, согласно которому раздели были результатом насилия, которому нечего было противопоставить...”.

В то же время он напомнил, что Польша “не была единственной страной, против которой ополчились соседи”. И привёл пример: незадолго до разделов Речи Посполитой Австрия, Франция, Англия, Россия, а также Саксония и Бавария, которые тогда ещё были самостоятельными государствами, на конференции в Версале решили разделить быстро крепнущую Пруссию, которая угрожала тогдашним порядкам в Европе: “Порезали имущество Старого Фрица на куски: часть — для Австрии, часть — для Франции, часть — для России, куски поменьше — для Баварии и Саксонии, а парочку портов — для Англии”. Простое сложение потенциала этих стран, замечает автор, показывало, что защититься Пруссия не сможет, тем не менее, Пруссия устояла. Каким образом? Довольно просто. Когда происходили разделы Речи Посполитой, а они длились больше двух десятков лет, одни из её высоких представителей во главе с жалостливым королём подписывали эти разделы, другие публично рыдали об утрате независимости, рвали на голове волосы, третьи с криком бросались поперёк сеймовых дверей и сходили с ума от воплей “топчите меня, а не державу”. А вот в Берлине “никто не плакал и не бил в колокола кирх. Старый Фриц — король — объявил мобилизацию, собрал армию, молниеносно ударил по Австрии, сразу же сбив с неё спесь, затем по России. И, воюя семь лет, убедил европейских монархов, что если попытаться что-то забрать у Пруссии, то будет очень больно”.

Справедливости ради уточним, что Старому Фрицу в той войне, которая длилась семь лет и была названа Семилетней, тоже пришлось отнюдь не просто. Коалиция Австрии, России и Франции, которую Фридрих называл союзом трёх баб, поскольку австрийской императрицей была Мария-Терезия, российской — Елизавета, а французскую политику во многом определяла фаворитка короля Людовика XV госпожа Помпадур, была довольно сильной, самого Фридриха считала выскочкой и взялась за Пруссию не на шутку. Судьба Пруссии висела на волоске, в Кёнигсберг императрицей уже назначались русские генерал-губернаторы, одним из которых был отец генералиссимуса А. В. Суворова, генерал-аншеф В. И. Суворов, жители Восточной Пруссии, включая знаменитого философа Иммануила Канта, принесли присягу на верность русской короне. И кто знает, какими путями пошла бы германская и европейская история, если бы не смерть Елизаветы Петровны, которая заявляла, что намерена вести войну до победного конца, даже если бы ей для этого пришлось продать половину своих платьев. Оказавшийся после неё на российском троне Петр III, для которого Фридрих был кумиром, заключил с ним мир и вернул всё, завоеванное русскими солдатами. Однако процитированный польский автор был абсолютно прав в том, что Фридрих очень старался “сделать больно” своим недоброжелателям.

Рафал Земкевич, о книге которого “Поляцтво” в данном случае идёт речь, — известный в нынешней Польше публицист и отнюдь не полонофоб. Скорее, наоборот, он является горячим польским патриотом, искренне болеющим за свою родину, но призывает соотечественников критичнее посмотреть на историю родного государства, как бы просит земляков снять розовые очки, открыть “покрыты негой взоры” и убедиться, что не всё в национальной истории было красиво, а тем более логично. Временами он умышленно эпатарует читателя нелецеприятными суждениями, потому в книге досталось всем: живым и мёртвым, ушедшим и нынешним временам, богатым и бедным, знатным и не очень, первой, и второй, и третьей, и даже четвёртой Речи Посполитой, строительство которой провозглашал погибший в авиакатаст-

рофе в апреле 2010 года польский президент Лех Качиньский. Следуя этому эпатажному подходу, Земкевич одобрительно высказался по адресу только трёх человек: о Папе Римском Иоанне-Павле II, своём собственном папе и своей маме, а из государств симпатию проявил лишь к Соединённым Штатам Америки и Эстонии: США для него – образец демократии, Эстония – пример успешного развития молодых государств. Россию, как и положено поляку, Земкевич не любит. Он, как и большинство его соотечественников, тоже считает её основным виновником польских бед, но и к сородичам подчёркнуто критичен, саркастически констатируя, что по отношению к кацапам “средний поляк излучает безграничное чувство цивилизационного превосходства”, компенсируя, таким образом, свой комплекс неполноценности, который, “в свою очередь, имеет по отношению к Западу”. На Беларусь тоже смотрит свысока, как на территорию нищеты и отсталости. Для него, похоже, граница цивилизации проходит по Западному Бугу, как когда-то для французозов – по Рейну, а для англичан – по Ла-Маншу. Но не в этом всё-таки основное содержание книги. Автор искренне болеет за Польшу, за ту, которая была когда-то, которая есть теперь, которая – историческая и нынешняя – живёт в его понимании, потому яростно бичует тех, кто приводил её к упадку раньше и мешает развиваться сейчас. Вот одна из характеристик: “Вся наша история в миниатюре: грозим бунчушно, что не отдадим даже пуговицы, а потом остаёмся все без одежд”. И снова приводит болезненный пример: по сравнению с Пруссией, Речь Посполитая Обоих Народов была огромным государством. У Пруссии не хватало людей даже для того, чтобы сформировать нужную для своей же защиты армию. “Так из кого же они её сформировали?” – задаётся вопросом Земкевич. И сам же отвечает: “Из поляков”. И даже деньги на армию пруссаки выжимали из поляков, которые своему королю налоги платить не хотели. Целые полки тогдашней прусской армии “состояли из поляков, которые, кстати, служили в ней весьма жертвенно, поскольку прусский офицер не любил шуток, неповиновения, собраний, за несубординацию от него можно было получить гауптвахту или даже пулю в лоб”.

И ещё одна цитата на ту же тему: “Когда уже после катастрофы (раздела Речи Посполитой. – **Авт.**), генерал Домбровский, о котором теперь мы поём в нашем национальном гимне, прибыл в Италию формировать легионы из польских пленных и дезертиров, в австрийской армии, только в той её части, которая действовала на итальянском военном театре, служило 150 тысяч поляков. Сто пятьдесят тысяч! Свободная Польша никогда не могла выставить даже третьей части той цифры солдат, а ведь Австрия в ряду трёх оккупантов поживилась самым меньшим куском”. Рассуждая о польской истории, Рафал Земкевич приводит массу примеров, которые приходится воспринимать по принципу “против факта не попрёшь”. И главными виновниками упадка первой Речи Посполитой Земкевич уверенно называет тех, кто являлся основной политической силой государства – аристократию и шляхту. Давняя Речь Посполитая была страной невероятной безнаказанности, говорит он. За редчайшим исключением, в ней не был повешен ни один предатель, ни один Радзивилл.

Речь идёт, надо полагать, о Януше и Богуславе Радзивиллах, один из которых заключал договор со шведским королём об отрыве ВКЛ от Польши и присоединении княжества к Швеции, второй подписывал многосторонний пакт о демонтаже всей Речи Посполитой. Но, возможно, и о вице-канцлере, говоря по-нынешнему, вице-премьере Иерониме Радзеевском, который известен нынешней Польше как политический авантюрист, сотрудничавший и с Богданом Хмельницким, и со шведским королём Карлом X Густавом, но, тем не менее, жизнь закончивший посланником Речи Посполитой в Турции. А настоящим символом безнаказанности и самовольства автор называет Самуэля Лаца, который, решив показать, что плевать ему на суды и трибуналы, приказал сшить себе одежду из пергаментов, на которых теми судами и трибуналами были написаны осуждающие его решения, и в таком виде явился на бал. Да ещё и высказывал сожаление, что одежда получилась коротковатой, поскольку приговоров оказалось меньше, чем нужно было для пошива длинной. Белорусский историк М. В. Довнар-Запольский, уточнял, что тех приговоров было 373, из которых 236 предусматривали изгнание Лаца из страны, 37 – лишение чести и гражданских прав, так как “коронный стражник, то есть блюститель порядка в пограничных областях, известный Самуил Лац производил беспрестанные наезды на шляхетские имения, убивал людей, обрезывал

вал носы, уши и вообще неистовствовал, как хотел”, тем не менее, он “не только не уехал из государства, но и продолжал нести свои государственные обязанности”. А ещё был вор и аферист Адам Понинский, который, являясь подскарбием – министром финансов – самого короля Станислава Августа Понятовского, – “грабил государство сотнями способов, собирал дань и взятки, продавал ордена, должности, военные звания – всё, что кто-то мог купить”, а также “без тени смущения брал деньги и у Берлина и у Кремля”. После того, как его с большим трудом всё-таки осудил сам Великий сейм на конфискацию имущества, Понинский отъехал немного от Варшавы и закатил бал, на который пригласил весь высший свет государства, стоявший за приговором. И никто из приглашённых сановников не отказался, все прибыли, чтобы пить шампанское и “брататься с архивором”. Рассказ об этом случае Рафал Земкевич завершил ссылкой на историческое эссе земляка Станислава Козымяна “Безнаказанность”, который утверждал, что безнаказанность была основой жизни в давнишней Польше и привела к падению государства, ибо для общественного строя нет загнивания более опасного, чем “отсутствие кары за зло”.

А как же искусства, мануфактуры, о которых столь часто сейчас у нас говорится? Они тоже были в Речи Посполитой. Если брать её восточную часть, которой и было Великое Княжество Литовское, а нынче это Беларусь и Литва, то в Несвиже, Слуцке, Слониме, Ружанах, Гродно в имениях аристократов были крепостные театры, оркестры, оперные, балетные, драматические труппы. Выписанные из-за границы мастера для увеселения господ ставили оперы, балеты, случалось, превосходившие по качеству западноевропейские. Основывались придворные типографии в Несвиже, Гродно, Слониме. На мануфактурах, бывало, производились настоящие произведения искусства: пояса – в Слуцке, гобелены – в Кореличах, посуда и зеркала – в Налибоках и Уречье, добротные ткани – в Гродно и Ружанах. Много делалось с невиданным размахом. На сцене дворцового театра Огинских в Слониме хватало места даже для кавалерийских атак, возможна была постановка водных феерий, во время которых часть сцены затоплялась водой из соседнего пруда; на ней были фонтаны, плавали настоящие лодки, как вспоминали современники магнатов. Слоним называли “полесскими Афинами”. Театр в резиденции князей Радзивиллов в Несвиже вмещал две тысячи зрителей и имел лучшее по тем временам сценическое оснащение. Но у тех же Огинских крестьяне пухли с голоду. Российский поэт и сенатор Гавриил Романович Державин, которого в 1800 году царь послал в Витебскую губернию разбирать жалобу местных крестьян, с откровенной болью писал о том, что он увидел: от плохого питания “все вокруг вялые, худые и бледные, как мертвецы. Сравнивая их с самыми бедными великорусскими крестьянами, я без сомнения сказал бы, что они находятся в самом жалостном состоянии и терпят такой голод, какой скоро их уморит и которого при этом вряд ли найдутся средства избежать, если судить по тому, что нигде... нет никакого хлеба, а также скота и птицы”. Известный белорусский учёный профессор Адам Мальдис пишет, что тогда Гавриил Романович распорядился, чтобы господа часть своего хлеба передали крестьянам, а “у одного из Огинских, который совсем не заботился о своих крестьянах, Державин даже взял под опеку имения”. Тот “один из Огинских” был близким родственником знаменитого композитора Михаила Клеофаса Огинского – автора известного всему миру полонеза “Прощание с Родной”, имя его сейчас носит музыкальное училище в Молодечно. Кстати, Державину тогда могло не поздоровиться. Мальдис напоминает, что местные помещики накатали на проверяющего донос в Петербург, в котором утверждали, что своими действиями сенатор Державин “может поднять крестьян на панов”.

Да, Урсула Радзивилл, Антоний Тизенгауз, Иоахим Хрептович, Михаил Огинский, которые занимались искусствами, историей, мануфактурами, были, но они, скорее, исключение из общего правила, нежели само правило. К XVIII веку, пишет профессор Мальдис в книге “Выбранае” (“Избранное”), вышедшей в 2007 году в серии “Беларускі кнігазбор”, “выразительно обозначается физическое и моральное вырождение магнатства”. Всё чаще проявляются “психические расстройства, маньячество, садизм, распущенность. В XVII столетии магнаты ещё брали в руку саблю, занимались государственными проблемами... Теперь же шляхетская элита проводит время в непрерывных балах и охотах”. Аристократы после себя не оставляют даже потомст-

ва. Зато не знало пределов магнатское высокомерие. Ничтоже сумняшеся, они ставили знак равенства между собой, нацией и государством, утверждали, что мешане и крестьяне ниже шляхты в физическом и умственном смысле, что даже происходят они не от библейского Иафета, а от подлого Хама. Более того, аристократы при собственной жизни ставили себя вровень со святыми. В мемуарных источниках, на которые ссылается А. Мальдис, говорится, что когда жена одного из Радзивиллов пела в костёле, то на её слова: «Я так сделала на небе, чтобы восходить бесконечный свет», — хор придворных с поклоном обязан был отвечать: «Покорно благодарны вашей княжеской милости». Николаю Потоцкому один из провинциальных дворян пал однажды в ноги со словами: «Ты — Бог триединый, возьми моего сына...». А Павел Ясеница в книге «Польская анархия» приводит ещё один красноречивый факт, являющийся «точным отражением порядков, господствующих в обществе и государстве»: «Ян Клеменс Браницкий герба Гриф был в XVIII веке господином Белостока. А его — Браницкого — господином был разве что сам Бог». Тот Браницкий, пишет историк, мог возвести памятник самому Господу и учинить на нём соответствующую надпись: «На этом месте Пан спас пана от смерти. Благодарный пан поставил Пану этот памятник».

В Великом Княжестве Литовском, особенно на склоне его истории, то есть в XVIII столетии, бал правили Радзивиллы, Сапеги, Чарторыйские, Пацы, Огинские, Тышкевичи, Массальские. Наиболее могущественными из них были Радзивиллы. Против них польский король был почти нищим. Они могли позволить себе многое. Например, отчеканить и пустить в оборот монету, на которой вместе с портретом монарха могла красоваться надпись «Божией милостью дурак» вместо «Божией милостью король». В других странах, скажем, во Франции, отмечает историк А. Широкопад, за подобное самовольство могли казнить несколько раз: за оскорбление царствующей персоны и за фальшивомонетничество. В Речи Посполитой всё сходило с рук. Радзивиллы почти с пелёнок получали высокие должности и награды. Один из наиболее известных — Кароль Радзивилл, воевода виленский, староста львовский, великий мечник литовский, имевший поэзию Пане Коханку, который лишь чуть-чуть не дождал до исчезновения Речи Посполитой с политической карты Европы, — первый свой орден заимел в пять лет, в шестнадцать стал депутатом сейма Речи Посполитой, в восемнадцать был уже мечником Великого Княжества Литовского. Это он во время выходов короля Речи Посполитой, который одновременно являлся Великим Князем Литовским, нёс перед монархом обнажённый меч — символ войсковой власти. При этом он был человеком ограниченным, настолько малообразованным, что с трудом разбирал буквы. Да и различать их гувернер научил его весьма необычным образом: в виде букв он делал мишени, по которым стрелял юный Кароль. В пятнадцать лет он еще не умел читать. Этот «деспот и пьяница, распутник и авантюрист, фантаст и чудак... был типичным порождением своего времени», — подчёркивает Адам Мальдис. Обратите внимание: ТИПИЧНЫМ.

Владелец пяти тысяч деревень и тысячи городов и местечек проводил время на охотах и диких оргиях. На Рождество в 1780 году в Несвиж было завезено 1500 бутылок шампанского, 300 — рейнского, 200 бургундского вина, три бочки английского пива, 15 бочек свежих и маринованных устриц. Надо полагать, не случайно его называли третьим по значению пьяницей во всей Речи Посполитой. Притом Радзивилл имел «хорошую компанию». Первым и вторым пьяницами в государстве были не божьи какие-то, говоря по-нынешнему, или люди без роду и племени, выражаясь по-тогдашнему. Главным алкоголиком считался надворный литовский маршалок Януш Сангушко — наивысший правительственный чиновник в Великом княжестве Литовском, руководивший, как поясняет «Энциклапедыя гісторыі Беларусі», двором Великого князя, принимавший иностранных послов, следивший за этикетом, командовавший придворной стражей и королевской гвардией и даже судом. За ним следовал коронный кравчий Адам Малаховский, подававший за столом блюда своему коронованному господину.

В умении выпить не отставал от Радзивилла и Пане Коханку. Первая жена от него убежала, а от второй ему самому временами приходилось прятаться. Так вот этот человек мог сказать королю, что королём тот является лишь в Варшаве, но не в его — радзивилловских — владениях. Похоже, сам король Станислав Август Понятовский в этом тоже не сомневался. Особенно после

того, как побывал в Несвиже в 1784 году. До окончательного “демонтажа” Речи Посполитой оставалось всего одиннадцать лет. Прочитав ещё раз А. Мальдиса: “Вся дорога от Снова (ныне деревня перед Несвижем – райцентром в Минской области. – **Авт.**) до радзивилловской резиденции была обставлена крестьянами и бедной шляхтой, украшена триумфальными арками. Воевода выехал навстречу на турецком коне, в колпаке с бриллиантами, которые стоили несколько тысяч дукатов. Покои в замке были обиты дорогими восточными тканями, украшены аллегоричными фресками. Балы, представления, охоты, фейерверки продолжались несколько дней. Одновременно за столы в замке садилось несколько тысяч человек. Ещё столько же – в монастырях и шатрах за городом... Дважды король выезжал в пригород Несвижа Альбу, где были построены десятки идиллических крестьянских хаток, выкопаны каналы и водохранилища. По ним плавали настоящие лодки и корабли (князь готовил флот... для Чёрного и Балтийского морей). Альбу освещало около восьми тысяч лампиров. Кульминацией торжеств был “морской бой, который инсценировал штурм Гибралтара”. Бой вёл настоящими снарядами, потому были убитые и раненые. Станислав Август благодарил Радзивилла, раздавал направо и налево чины, медали, перстни и табакерки со своим портретом. Но Несвиж покидал принижённый: такой роскоши он не мог себе позволить. Настоящим королём выглядел не король, а Кароль Радзивилл”.

С обычными соотечественниками, включая высоких государственных чиновников, Пана Коханку не церемонился. Позволим себе ещё одну пространную цитату, на этот раз из книги мемуариста Я. Китовича, в которой он описывал нравы времён короля Августа III – предпоследнего польского монарха, предшественника Станислава Понятовского: “Наиболее жутко разыграл Радзивилл Паца, великого литовского писаря, своего фаворита и неизменного участника всех оргий. Однажды ему так надоели грубые издевательства, что Пац не мог больше терпеть и пригрозил дуэлью. Но Радзивилл, не желая терять с ним дружбу и одновременно напугать за ту угрозу, прикинулся, что страшно рассердился на Паца, приказал схватить его, заковать в кандалы и бросить в тюрьму. Назавтра он распорядился одеть его в предсмертную рубашку, вывести на площадь в сопровождении палача и ксендза и готовить к смерти. Все друзья Паца и Радзивилла помертвели, увидев такое, бросились Радзивиллу в ноги, Пац тоже в слезах просил о милости. Но Радзивилл, притворяясь злым и глухим ко всяким просьбам, подгонял Паца, чтобы тот склонился под меч, с которым палач стоял над его головой. Наконец, когда Пац попросил ещё минуту, чтобы исповедаться, Радзивилл, насытившись розыгрышем, подскочил к Пацу с милой улыбкой: “Вот видишь! Я тебя напугал больше, чем ты меня своей дуэлью!” Повёл он тогда Паца в покои в предсмертной рубашке, так, как тот стоял на площади, а там сразу преподнёс ему за эту шутку большие подарки, началась большая утеха и пьянка в честь такой задумки. Пац, безусловно, напуганный смертью, а затем утешённый неожиданной радостью, вынужден был пить после такого возбуждения крови, заболел и на третий день умер”.

Профессор Адам Мальдис, комментируя Я. Китовича, добавляет: “Если Радзивилл вытворял такое с друзьями, со шляхтой, нападал на дворец виленского епископа и не раз угрожал самому королю, если он разгонял суды, что тогда говорить о мещанах или крестьянах! Они часто “расставались с жизнью от руки ласкового пана”. Этому несвижскому владельцу ничего не стоило прямо во время бала или другой забавы выстрелить в лоб кому-нибудь из присутствовавших – такие случаи в доме Радзивиллов становились чем-то привычным, сообщал тот же Я. Китович. Или вбить в рот рюмку тому, кто в этот момент пьёт. Или стукнуть лбами двух беседующих так, чтобы шишки вскочили. Да и французский генерал Шарль Дюмурье, повивавший того Кароля в 1770 году, писал, что “князь Радзивилл – совершенное животное, но это самый знатный господин в Польше”. Это определение ничем не отличается от суждения того же Я. Китовича, который сообщал, что “князь Кароль Радзивилл... по натуре мало отличается от идиота”. В принципе, такое поведение магната вряд ли кого удивляло, потому что в истории Речи Посполитой бывали случаи и похлеще, даже со смертельным исходом. В 1574 году в разгар церемонии, посвящённой восхождению на польский престол Генриха Валуа, один из придворных нового короля Самуэль Зборовский ударом чекана – это разновидность боевого топора – убил коменданта крепости в Перемышле

Анджея Ваповского. Осуждённый на вечное изгнание, он через некоторое время вернулся в Польшу вместе со Стефаном Баторием, принимал участие в походах на Русь, побыл гетманом запорожского казачьего войска, притом в современных украинских источниках отмечается, что “низовские казаки, которые назывались Запорожскими молодцами, уважая рыцарский дух” Зборовского, сами попросили его стать их гетманом, а тот согласился, рассчитывая привлечь казаков к войне с Москвой, затем претендовал на молдавский престол и поплотился головой лишь после того, как стал грозить, что покончит с самим королём Стефаном Баторием.

Попутно можно вспомнить и о владельце имения Чернавчицы около Бреста – Мартине Радзивилле, – помешательство которого, как свидетельствуют современники, выражалось в трёх ипостасях: сексуальной распущенности, для чего он содержал целый гарем “кадеток”, расправах над людьми, грабежах, поджогах, религиозном шарлатанстве. Он верил в такое переселение душ, после которого в будущей жизни он станет слоном, затем жрецом. Ещё об одной особенности бытия магнатов того времени напомнил опять же Януш Тазбир – один из лучших в современной Польше знатоков шляхетского быта в давние времена: “Мы читаем в шляхетских мемуарах, ...что у крупнейших польских магнатов имелись собственные бастилии (*то есть тюрьмы.* – Авт.). Такой магнат, если шляхтич ему не нравился, а служил при его дворе, мог его туда посадить. И никто по его поводу ничего не требовал, разве что у узника была влиятельная родня”.

Рассказывая о нравах того времени, польский писатель XIX века Генрик Ржевусский в своих “Записках Соплицы”, которые он создал по совету Адама Мицкевича, пишет, что весьма распространённым “несвижским развлечением” у магнатов и их фаворитов была стрельба... по женским каблучкам – чего только не придумаешь от безделья! Притом женщины не должны были показывать, что им страшно. Особенно увлекался этим сын несвижского органиста Кароль Рысь – крестник Радзивилла, состоявший в его свите. После одного случая он пользовался особым расположением у своего господина. Крестники любили поиграть в карты на деньги, однако Рысь, у которого денег не было, вынужден был отсиживаться в сторонке. Но однажды ему предложили выход: за него друзья кладут на кон пять или десять тынфов – серебряных монет, и если Рысь выигрывает, то монеты принадлежат ему, а если нет, то он обязан будет пять или десять раз шлёпнуть колодой карт по носу... спящего в пьяном виде самого князя Радзивилла. Рысь согласился. И несколько раз всё получилось. Но однажды князь от шлепков проснулся, взъярился и приказал всыпать нахалу пятьсот розог. Во время экзекуции Рысь не проронил ни звука, что поразило несвижского владетеля. Тогда он поинтересовался, что же заставило крестника пойти на такой риск. Тот признался: хотелось поиграть в карты, а денег не было. Князь сразу же распорядился выдать подростку пятьсот серебряных монет – по количеству полученных розог. Так вот, от стрельбы по каблучкам уже вполне взрослого Рыся отучила только жена, которая сначала попросила прекратить такую стрельбу хотя бы на время её беременности, а когда тот не послушал, сама схватила пистолет и сделала встречный выстрел. Пуля по касательной прошла поясной ремень мужа. Рысь похвалил жену за меткость, но её каблучки всё-таки оставил в покое.

Магнаты держали при своих дворах многочисленные армии. При этом они имели право нанимать военнослужащих в других государствах. Слуцкий Иероним Радзивилл имел шесть тысяч регулярного войска да ещё столько же казаков и стрельцов. У его близкого родственника из Несвижа – уже упомянутого Кароля Пана Коханку – был обычай выезжать из замка в сопровождении 600–800 вооружённых всадников. Как пишет историк и писатель Игнатий Крашевский, “одной пехоты у князя было пять отрядов по сто пятьдесят человек, несвижская и слуцкая милиция под командованием майора Длужиловского, золотой уланский конный отряд, которым командовал ротмистр Янковский, а также казаки Каминского, драгуны и артиллерия”. Кадры для этой армии готовила специальная кадетская школа, открытая в замке, в которой преподавали иностранные офицеры. К сказанному стоит добавить, что иностранным “спецам” тоже доставалось. Когда от Иеронима Радзивилла из Слуцка бежало два курляндских офицера, им после поимки инсценировали повешение, потом избили и бросили в подземелье, в котором они и закончили свои дни. Однако некоторые Радзивиллы не ограничивались наймом за границей от-

дельных офицеров. В том же Слуцке у Богуслава Радзивилла, жившего ста годами ранее, размещался полк немецкой пехоты, а у его современника Казимира Льва Сапеги в имении Иказнь на Браславщине гарнизон состоял из венгерской пехоты.

Споры между магнатами нередко превращались в настоящие внутренние войны. Одна из них случилась в 1700 году в результате конфликта между Сапегами с одной стороны и Огинскими, Вишневецкими и Радзивиллами – с другой. Как свидетельствует историк М. В. Довнар-Запольский, Огинские в войне, которая впоследствии получила название домашней, выставили более 20000 войска, столько же собрали Сапеги. В той эпохее были и перестрелки между магнатами на улицах столичного Вильно, и голодная блокада Бреста, и грабежи, и расправы. Примирить враждующих не могли ни король, ни Сенат. Да что там стычки на улицах в Вильно, если они были обычным явлением даже на сеймах, посвящённых избранию нового короля. Вот ещё одна картинка: “В дни элекции (избрания. – **Авт.**) шляхта вооружалась, и всё государство превращалось в вооружённый лагерь. Уже первая элекция (после Люблинской унии. – **Авт.**), происходившая под Варшавой, собрала до 40000 вооружённой шляхты, кроме отрядов, принадлежащих отдельным магнатам, прибывших со своими господами. Многие паны прибыли на избирательное поле с артиллерией. При таких условиях главнейшую роль играл тот, кто был сильнее. В результате редкая элекция проходила без кровавых стычек. При избрании Сигизмунда I избирательное поле было обильно полито кровью, и даже оказалась сожжённой изба, в которой заседали сенаторы. При избрании короля Михаила произошло настоящее сражение, так что сенаторы и послы начали разбегаться, иногда дело доходило до убийств в самой польской избе”.

А у короля Речи Посполитой армии не было. На случай войны он объявлял сбор “посполитого рушения”, то есть ополчения, но его численность зависела от того, сколько людей приведут с собой магнаты. Зато сам магнат мог объявить войну даже своему монарху. Особенно несколько магнатов, объединившись в конфедерацию. Могли они бросить вызов даже другому государству, что тоже случалось в истории Речи Посполитой. Да и на королевской войне вели себя по собственному усмотрению. Вот что писал Шарль Дюмурье о войске Барской конфедерации: “Войско конфедератов простиралось от 16 до 17 тысяч человек; но войско это было под началом осьми или десяти независимых вождей, несогласных между собою, подозревающих друг друга, иногда дерущихся друг с другом и переманивающих друг у друга солдат. Всё это была одна кавалерия, состоявшая из шляхтичей, равных между собою, без дисциплины, дурно вооружённых, на худых лошадях. Шляхта эта не могла сопротивляться не только линейным русским войскам, но даже и казакам. Ни одной крепости, ни одной пушки, ни одного пехотинца. Конфедераты грабили своих поляков, тиранили знатных земледельцев, били крестьян, завербованных в войско”. И добавлял, что у этих благородных “нет народа для управления, потому что нельзя назвать народом 8 или 10 миллионов рабов, которых продают, покупают, меняют, как домашних животных. Польское социальное тело – это чудовище, составленное из голов и желудков, без рук и без ног. Польское управление похоже на управление сахарными плантациями, которые не могут быть независимыми”.

Своё мнение о польской аристократии высказал и русский князь Андрей Курбский, который после разрыва с Иваном Грозным ушёл из Московии, получил в ВКЛ “в кормление” сначала город Крево – теперь деревня в Гродненской области, потом Ковель, и в Ковеле – ныне украинском – он и был похоронен: “Вельможи знают только пить да есть сладко; пьяные они очень храбры: берут и Москву, и Константинополь, и если бы даже на небо забилась турок, то и оттуда готовы его снять. А когда лягут на постели между толстыми перинами, то едва к полудню проснутся, встанут чуть живы, с головной болью. Вельможи и княжата так робки и истомлены своими женами, что, услышав вражеское нахождение, забьются в претвёрдые города и, вооружившись, надев доспехи, сядут за стол, за кубки и болтают со своими пьяными бабами, из ворот же городских ни на шаг. А если выступят в поход, то идут издалека за врагами и, походивши дня два или три, возвращаются домой и, что бедные жители успели спасти от татар в лесах, какое-нибудь имение или скот, – всё поедят и последнее разграбят”. Тяжело, надо полагать, было смо-

треть на такое князю Курбскому, который не был ни бездельником, ни трусом, поскольку участвовал во многих сражениях с татарами, включая взятие Казани, схватках с рыцарями и поляками во время Ливонской войны, бывал ранен, а потом не побоялся конфликта с самим царём. Да что Курбский, если сам польский король Ян Собесский на одном из сеймов в сердцах заметил, что идеал у шляхты один – “сидеть дома, налогов не платить, солдат не кормить, а Господь Бог чтоб за нас воевал”.

А вот ещё свидетельство, которое приводил дореволюционный автор В. И. Яковенко: “Никто не хочет жить трудом, всяк норовит захватить чужое; легко достаётся оно, легко и спускается; всяк только о том и думает, чтобы поразмашистее покутить; заработки убогих людей, собранные с их слезами, иногда со шкурой, истребляют они, как гарпии или саранча: одна особа съедает в день столько, сколько множество бедняков заработает в долгое время, всё идёт в дырявый мешок – в брюхо”. Богатство и военная сила позволяли магнатам не придерживаться никаких правил, руководствуясь только одним: “Пану – ниц, а хлопа – на паль”. Это значит, пану – ничего, а холопа – на кол. Радзивилл Иероним, услышав от гайдука, что тот хочет быть на виду у своего господина, приказал повесить парня на воротах, чтобы видно было всем. Узнав, что женатый шляхтич заглядывает к замужней шляхтянке, повелел повесить обоих в одной петле, лицом к лицу. Налогов в казну он не платил ни гроша – не считал нужным.

Совершенно конкретен и историк М. В. Довнар-Запольский: “Помещик был государь на своей территории: всякий на ней живущий являлся подданным владельца (так владельческие крестьяне и горожане и назывались в Западной России и Польше подданными своего пана). Поэтому широта власти такого помещика над лицом, живущим в его имении, определяется правами самовластного государя; помещик сам издавал законы для своих подданных, судил и наказывал (их), до смертной казни включительно”. Уточним, что ещё в 1518 году Сигизмунд Старый – король и великий князь – отменил государственную юрисдикцию над крестьянами из частных имений, поскольку “он устал” разбирать жалобы. Потому во владениях магнатов Вишневецких, например, судьба 230 тысяч крепостных зависела только от воли и настроения Вишневецких. Дело дошло было до того, что ситуацией в Речи Посполитой в годы борьбы за независимость США от Великобритании американские политики пугали своих граждан. Марцелина Грабовска в книге о Костюшко “Приговорённый к вечности”, изданной в Варшаве в 1984 году, процитировала владельца филладельфийского адвоката Джона Диккинсона: если не добьёмся свободы, то “останемся подлыми невольниками, как те, которых можно увидеть в Польше с лаптями на ногах и колтунами нечёсанных волос на голове”, ибо весь польский народ – это только господа и невольники, а невольник – это каждый человек труда, так низко его труд ценится. “Для одних – всё, для других – позорное ярмо”, – писал Джон Диккинсон.

Со ссылкой на современного историка А. Широкограда стоит напомнить, что после присоединения наших земель к России новые власти, прежде всего, распорядились спилить в имениях все те виселицы и колья, на которых казнили крестьян. Князь Григорий Потёмкин, получив имения на Могилёвщине, поручил своим управляющим огласить во время богослужений в храмах, что виселицы убраны и никогда восстановлены не будут. Но важно добавить, что повесить, посадить на кол мужика, бывшего господской собственностью, с живого содрать кожу не было пределом “вольности” господ тогдашней жизни. Проявлением особой удали для пана, замечает тот же А. Широкоград, считалось зарубить саблей или утопить ремесленника или еврея-шинкаря, которые не были у него в крепостной зависимости. Что касается шляхтича, то формально магнат не имел “права на его горло”, однако мемуаристы тех времен – Матушевич, Завиша – пишут, как сандомирская Марина Мнишек распорядилась посадить на кол шляхтича, который непочтительно выразился в её присутствии, как калишский воевода Анджей Грудзиньский убил другого шляхтича только потому, что захотел его жены, как сам Завиша развалил саблей лоб своему шуруну...

А что же закон, знаменитый Статут (Устав) Литовский, который некоторые историки до сих пор называют первой во всей Европе конституцией, обеспечивший мир, спокойствие и полную толерантность в отношениях между народами, проживавшими в ВКЛ, и представителями разных конфессий? Откроем

сам Статут, чтобы уточнить, кому и что он обеспечивал на самом деле. Одна из последних его глав называется “О цыганах”. В ней говорится: “Поскольку цыганы являются людьми ненужными и бесполезными, которые не только никакой пользы, прибыли нам и никому в речи посполитой (так в тексте. — Авт.) не приносят, но вообще наносят вред обманом простых людей и воровством, а также немало тайных краж ими делается, а временами, выходя в другие земли, особенно неприятельские, они могли бы стать лазутчиками и проводниками для дурного дела, потому устанавливаем, чтобы их с этого времени нигде не прятали в государстве нашем Великом княжестве Литовском и в землях, ему принадлежащих, за чем должны зорко смотреть пограничники и другие державцы наши, чтобы они не входили в наши земли. И если кто их выгонит со своего старства и владений, чтобы никто из других категорий подданных наших их не принимал и не прятал в своих имениях под угрозой выплаты штрафа — двенадцати коп денег в нашу казну”. Добавим к сказанному, что в соответствии с тем же Статутом вол, рабочий конь тогда стоили две копы денег. Значит, штраф равнялся шести волам или лошадям.

Есть особая статья о евреях, татарах “и других басурманах”. Она гласит: “Устанавливаем и с этого времени иметь желаем, чтобы жид, татарин и каждый басурман достоинство и в никакую власть от нас, хозяина, и от панов-рад наших назначен не был...”. Своеобразная толерантность, не правда ли? Для евреев были даже предписания, что им дозволялось носить: “Жида не должны ходить с цепями золотыми и драгоценностями, а также на поясах, на мечах, на саблях серебро носить не должны...” Только один сигнет — перстень-печатка — и один просто перстень. Правда, еврейкам разрешалось “носить перстни, пояс и наряды в соответствии со своей зажиточностью”. Статут регулировал многое, даже пытки. Одних подданных ВКЛ разрешалось пытать только раз в день и не более часа, по отношению к другим пытки можно было применять трижды в день. Кстати, тот, кто убил незаконнорожденного, от смертного наказания освобождался. Если кто-то обокрал пана, то платил штраф в размере двенадцати коп денег, если мужика — три копы.

Да, закон в ВКЛ был. Однако, во-первых, жизнью и имуществом холопов распоряжался единолично пан. Во-вторых, сам пан знал, что закон и по отношению к нему действует избирательно, в зависимости от мощны, то есть от господских богатств. Всем в княжестве было известно, что с теми же Сапегами судиться бесполезно. И с Пацами. И с Чарторыйскими. А тем более с Радзивиллами. В те времена в Речи Посполитой даже поговорка ходила: “У трибунала — декрет, а у Радзивилла — мушкет”. Ему ничего не стоило приказать своим драгунам войти в зал, где заседал суд, и открыть огонь, как это случилось в Минске в 1755 году. Впрочем, между собой магнаты могли судиться, но выигрывал всё равно тот, у кого на данный момент было больше силы. Денежной, военной. Тогда говорили, что закон подобен паутине: мушка застрянет, а овод прорвётся. Кстати, действие Статута на землях, возвращённых Российской империей в результате разделов Речи Посполитой, было окончательно прекращено не сразу после разделов, а почти через столетие — после того, как стало ясно, что попытки заигрывать со шляхтой, которые демонстрировал сначала Павел I, затем — его сын Александр I, желаемых результатов не приносят.

Был в Речи Посполитой сейм — высший законодательный орган. Он выбирал даже короля. Однако и он оказывался бессильным против “золотой вольности”. На *вальный*, то есть всеобщий сейм мог приехать любой шляхтич. На обычных сеймах заседали специальные депутаты, избранные от уездов. Но поскольку сейм принимал решения только единогласно, то его работу легко можно было остановить и даже сорвать. Любой депутат — посол на сейм — мог без всякого объяснения крикнуть: “Не позволяю!” Этого было достаточно. А подтолкнуть к такому выкрику магнаты старались людей недалёких, предварительно напоив их или соблазнив деньгами. Подкупить посла могли и представители других стран. И вот результат: из тринадцати сеймов Речи Посполитой при короле Августе II состоялось только четыре, а при Августе III были сорваны все тринадцать. На протяжении десятилетий в государстве могли не приниматься никакие законы, не проводиться никакие реформы, констатируют историки. Особенно скандално проходили сеймы в Гродно, пишет А. Мальдис, — в соответствии с существующим тогда положением каждое третье заседание парламента Речи Посполитой должно было проводиться в этом

городе. В Гродно во время заседаний рекой лилось вино, в выступающих из зала летели гнилые груши. Случались и драки.

О том, что творилось на воеводских и уездных сеймиках, тоже лучше говорить цитатами, поскольку сказанное иначе может быть принято за выдумку. Первую цитату посвятим сеймику в Бресте в 1755 году. Тогда две противоборствующие партии поссорились так, что в ход пошли сабли. Мемуарист Матушевич зафиксировал: “Четырнадцать человек с той стороны порубили, с нашей стороны только одного Куявского, музыканта брата моего полковника”. Вторую цитату возьмём из “Диариуша жизни” скарбового писаря Великого Княжества Литовского Игната Лопатинского, который родился в Мстиславском воеводстве – было такое в ВКЛ. Четырнадцатилетним парнишкой, сидя на хорах костёла, он наблюдал за тем, как “решались вопросы” на мстиславском сейме: “Пан Левон Ильинич, городской писарь из партии Воловичей, имея в руках старосветский инкрустированный топорик тонкой работы, хотел дать им по лбу старосте Шпилевскому, но тот убежал, а Станислав Волович вскочил на стол и выхватил саблю; тогда две партии не стали лениться, особенно когда два брата Завистовские перевернули стол на партию Воловичей. Сеча продолжалась около часа, пока с дароносицей не вышли ксёндзы... В той сече в обеих партиях было множество порубленных, наиболее тяжело: Толпыга, Дубяга и Козел; двое же от тяжёлых ран сразу же умерли”.

Но сабли вступали в дело тогда, когда бессильными оказывались вино, деньги. Пили на сеймиках тоже много – почему же не взять пример с “вышестоящих инстанций”? Тот же Китович сеймиковым пьянкам и угощениям посвятил специальную главу в своих воспоминаниях. Он пишет, что сразу после сессии делегатов вела за стол, а начатый обед плавно переходил в ужин, который длился до полуночи или до утра. Пьяные падали там, где пили, спали у стола, под столом, под забором, в канаве, посреди улицы – кого куда донесли непослушные ноги. Белорусский писатель-классик Владимир Короткевич, который прекрасно знал историю нашего края, утверждал, что в первой Речи Посполитой кабаки (корчмы) стояли вдоль дорог через каждые пять вёрст.

В нынешнее время пьянство чаще всего ассоциируется с русской традицией. В Европе просто уверены, что в России с первых дней её истории пили и пьют, начиная с младенчества. В доказательство чаще всего приводится фраза, якобы сказанная князем Владимиром – Красно Солнышко в те годы, когда он раздумывал, какую религию принять: мол, ислам он отверг именно из-за запрета на вино, добавив при этом: “Веселие Руси – питье есть!” Но если всмотреться в исторические факты, то нетрудно убедиться, что у магнатории и шляхты Речи Посполитой в деле “пития” не меньше заслуг. Она может даже претендовать на пальму первенства.

К XIX столетию, в котором жил А. С. Пушкин, от крещения Руси прошло девять веков, в течение которых, увлекшись “веселием”, немудрено было спиться любому народу. Но откроем роман “Евгений Онегин”, который Виссарионом Белинским назван “энциклопедией русской жизни”, с чем согласно большинство знатоков литературы и истории того времени. Там тоже есть строки о пирах, есть слова о том, что Евгений мог “beaf-steaks и страсбургский пирог шампанской обливать бутылкой”. В то же время у Грибоедова в его бессмертной комедии есть и осуждающее: “он фармазон, он пьёт одно // стаканом красное вино”. В дворянской среде в те времена считалось дурным тоном употреблять вино, не разбавленное водой, поскольку это ассоциировалось с неприличными выходками. “Им квас, как воздух, был потребен”, – свидетельствует Пушкин и рисует довольно подробную картину того, как вело себя русское дворянство в своей повседневной жизни, как принимало гостей. Красноречивый ответ на этот вопрос сформулирован в начале третьей главы:

*Обряд известный угощенья:
Несут на блюдечках варенья,
На столик ставят вощаной
Кувшин с брусничною водой...*

Таким гостеприимством шляхтич Речи Посполитой, можно не сомневаться, был бы просто оскорблён, и не исключено, что вскорости организовал бы “наезд” на скупердяя. А уж разговор, который вели русские дворяне в про-

винции — “про дождь, про лён, про скотный двор”, — счёл бы попросту издевательством. Для этого есть эконо́м, арендатор, шляхтич же — соль земли, с которого, как он сам был уверен, не сводят очей сам Господь и всё человечество. А русские дворяне своё хозяйство чаще всего вели сами. Они, конечно, тоже нередко пользовались услугами разного рода эконо́мов, однако главные нити управления держали в собственных руках, особенно те, которые не могли себя причислить к владельцам больших поместий. Вспомните, чем занималась мать Татьяны Лариной:

*Она езжала по работам,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила в баню по субботам,
Служанок била, осердясь...*

Можно себе представить за таким занятием, скажем, за солением грибов, хотя бы одну из княгинь Радзивилл? Да Пана Коханку застрелил бы её собственноручно, если бы заметил нечто подобное! А ещё интереснее представить самого Пана Коханку не с бокалом игристого вина, а... с кружкой кваса!..

Сказанное не означает, что на Руси спиртным брезговали. Отнюдь! Как заметил историк Н. Н. Молчанов, в кабаках людей нередко задерживала не только горькая жизнь, но и воля государя, заинтересованного в максимальном сборе податей. В качестве подтверждения он приводит грамоту царя Алексея Михайловича от 1659 года: “Питухов бы с кружечных дворов не отгонять... искать перед прежним прибыли”. И уточняет, что если тот “питух” уже “взялся за дело”, то пока он не пропьяется до нательного креста, “никому, даже жене законной, под страхом порки не дозволялось увести пьяницу домой”. Государству нужны были доходы с питейных заведений. В то же время Н. Н. Молчанов приводит и другие примеры, из которых следует, что вполне можно поспорить, кто кому показывал пример в питии: Россия не сомневающимся в своей цивилизованности Западу или Запад — России. “Германия зачумлена пьянством”, — говорил о своих соотечественниках Мартин Лютер. “Мои прихожане каждое воскресенье смертельно все пьяны”, — писал английский пастор Уильям Кет. Ещё один англичанин так описывал нравы своей страны в XVIII веке: “Пьянствовали и стар, и млад, притом чем выше был сан, тем больше пил человек. Без меры пили почти все члены королевской семьи... Считалось дурным тоном не напиться во время пиршества... Привычка к вину считалась своего рода символом мужественности во времена, когда крепко зашибал молодой Веллингтон, когда “протестант” герцог Норфолкский, упившись, валялся на улице, так что его принимали за мертвеца, и когда спикер (британского парламента. — **Авт.**) Корнуэлл сидел в палате общин за баррикадой из кружек с портером — председатель достойных своих багроволицых подопечных... В Лондоне насчитывалось 17 тысяч пивных, и над дверью чуть ли не каждого седьмого дома красовалась вывеска, зазывавшая бедняков и гуляк выпить на пенни, напиться на два пенса и проспаться на соломе задаром...”. В Москве, которая сама умела выпить и погулять, пишет Н. Н. Молчанов, Немецкую слободу, где жили выходцы из европейских стран, тем не менее, сразу же прозвали “Пьяной слободой”. Значит, удивилась первопрестольная, хотя тоже, как говорится, знала толк в напитках...

Кто-то может напомнить, что в России был не только Пушкин, а и другие писатели, к примеру, Максим Горький, у которого значительная часть творчества посвящена иным, не дворянским нравам. Но уточним: и иным социальным слоям. Одна из его известных пьес озаглавлена более чем красноречиво — “На дне”. Большой цикл ранних рассказов, посвящённых жизни и нравам российского дна, так и называется: босяцким. А мемуаристы времён первой Речи Посполитой писали как раз о “государствообразующем” классе. Такое ощущение, что дно в Речи Посполитой было наверху. И что касается того же пития, то пить много в Речи Посполитой было просто положено. Если гость ушёл не в стельку хмельным, если не поспал под лавкой или под забором, не упал в лужу, идя к карете, значит, плохо угощали, не угодили.

Поднятая, подпаивая нужных людей, в ВКЛ приобретали учины, должности, имения, даже шляхетство. Геральдической службы в государстве не бы-

ло, а потому примазаться к какому-либо роду не составляло особого труда. Купить же можно было всё, если не за деньги, так за прелести жены или дочери. То, что один из шляхтичей Лопатинских за сто дукатов приобрёл “капитанство в полку князя-воеводы новоградского”, — просто мелочь. Способов приобрести шляхетство было много. Ещё в первой половине XVII века Валериан Неканда Трепка составил “Книгу хамов”, в которой назвал примерно 2400 фамилий, жульническим путём ставших шляхетскими. При этом перечислил наиболее распространённые способы получения статуса “носителей чести”. Шляхтич мог “осчастливить” дочь купца, ремесленника или даже крестьянина, взять в услужение крестьянского сына, а затем его холопскую кличку превратить в нечто более благозвучное, отдать дочь замуж за селянина или мещанина, и те начинали именовать себя дворянами. С другой стороны, сам смыслённый холоп мог устроиться в канцелярию и вписать себя в нужные книги, поступить на службу к магнату, переименовать себя на *-ский* или *-цкий* и с помощью покровителя подтвердить своё “дворянское достоинство”. Мог попросить какого-нибудь пана обвинить его в плебействе, а самому нанять “свидетелей”, которые подтвердят шляхетство, что и фиксирует суд. А ещё был “еврейский” способ перехода в дворянство, подтверждающий, что во все времена “голь на выдумки хитра”. Поскольку в одно время в ВКЛ евреям, принимавшим христианство, сразу присваивался статус шляхтича, многие неевреи сделали очень удобные для себя выводы. Они стали принимать иудаизм, а затем переходить в христианство, попадая, таким образом, в шляхетское сословие — “из грязи в князи”.

Волна аноблирования была настолько большой, что право пожалования дворянства в 1578 году сейм отнял даже у короля, оставив его только за собой. Однако, замечают аналитики, обратным результатом такого решения стало учащение случаев незаконного приобретения шляхетства, потому в 1601 году сейм принял постановление о “новой шляхте”, в котором записал, что нельзя принимать “в шляхетство никого, кроме тех, кто был рекомендован нам сенатом и земскими послами за значительные заслуги перед Речью Посполитой”. Но не помогло и это, потому в 1659 и 1662 годах был введен институт так называемых скартабелят — неполного шляхетства, представители которого до третьего поколения не имели полных шляхетских привилегий. Высота той “волны”, похоже, и объясняет многочисленность шляхетского поголовья, как позволил себе выразиться Рафал Земкевич. Большая рыбина, которая называлась Великим княжеством Литовским, гнила с головы. Постепенно порча распространялась и на всё её тело. Со временем сгнивший “потолок” государственного здания обвалился, порушив и изрядно подточенные колонны, на которых он держался.

С аристократии и сеймовых послов брала пример остальная шляхта. Те же балы организовывались по любому поводу. Приехавшего гостя зачастую не получалось выпроводить и за неделю. Тогда и появилась поговорка, гласящая, что рыба и гость на третий день начинают вонять. Небогатая шляхта перед Великим постом затевала и такие “мероприятия”: несколько соседей сговаривались между собой и, взяв жен, детей, слуг, отправлялись ещё к одному соседу с “наездом” или, по-польски, “заездом”. Там они всё выпивали, съедали, притом вели себя, как настоящие разбойники, затем, забрав “объеденных” хозяев, ехали ещё к одному, потом к другому. А в финале подсчитывали: сколько человек умерло от пьянства, сколько — от обжорства, сколько погибло во время драк... Об этом хорошо написано в повести Владимира Короткевича “Цыганский король” — историю ВКЛ этот писатель знал великолепно, в чём не сомневается никто из исследователей его творчества. Известный в современной Польше политик и эссеист XX века Александр Бохеньский в своей книге с вызывающим названием “Картины польской глупости” тоже подчеркнул, что пьянство шляхты “рисовали все мемуаристы того времени, а противоположный тезис о том, что шляхта должна была быть трезвой, защищать просто нечем”. Известный польский историк Павел Ясеница в своей книге “Речь Посполитая обоих Народов. *Kalamatis Regnum*” писал, что коронный гетман Речи Посполитой Николай Потоцкий, то есть главнокомандующий её вооруженными силами, даже в “наиболее критические минуты был в стельку пьяным”. Словарь Брокгауза и Эфрона считает коронного гетмана “вторым по старшинству после короля”. Павел Ясеница добавляет при этом, что подчинённые гетмана “от своего предводителя несильно отличались” и что “поль-

ская шляхта как в мирные дни, так и на войне была известна своим умилением к бокалу”. И напоминает, что было с кого брать пример и цивилизным, ибо, к примеру, киевский воевода Януш Тышкевич – современник Потоцкого – “всегда пил стоя, поскольку считал, что так больше в него войдёт”. Во время питья “придворные должны были помогать своему господину поддерживать вертикальное положение”. А крестьян просто вынуждали пить землевладельцы, арендаторы, шинкари. Им даже квота устанавливалась на количество выпитого. И если селянин ту квоту “не выбирал”, всё равно заплатить должен был по полному счёту.

Шляхта помельче разорялась и опускалась до уровня крестьян. Впрочем, как было не разориться, если почётным делом для шляхтича считалось только занятие государственных должностей и... производство водки. Нельзя было предаваться ремеслам и торговле. Тот, кто нарушал это правило, рисковал стать мещанином. А мещанство не имело права владеть крепостными, на него не распространялась неприкосновенность жилища, оно не освобождалось от налогов на землю, от таможенных платежей. Фаддей Булгарин, который родился и вырос на Минщине, со знанием ситуации констатировал: “мелкая шляхта, буйная и непросвещённая, находилась всегда в полной зависимости у каждого, кто кормил и поил её, и даже поступала в самые низшие должности у панов и богатой шляхты и терпеливо переносила побои – с тем условием, чтобы быть битыми не на голой земле, а на ковре, презирая, однако же, из глупой гордости занятие торговлей и ремеслами, как неприличное шляхетскому званию”. Кстати, порка на голой земле, а не на ковре была для шляхтича страшным оскорблением, поскольку опускала его, так он считал, до уровня холопа. Посвящённый этому эпизод в пьесе “Пинская шляхта” у нынешней публики, которая всё-таки принадлежит уже к “непоротому поколению”, вызывает искренний хохот, сопряжённый с недоумением.

На многих территориях ВКЛ шляхтич вынужден был вести такой же образ жизни, как и крестьянин. По адресу ошмянской шляхты была распространена шутка, которая гласила, что одна нога у неё обута в сапог, другая – в лапоть. От крестьянина, вывозящего в поле навоз, шляхтич нередко отличался лишь тем, что из навоза, нагруженного им же на телегу, торчали не только вилы, но и сабля. И пусть попробует кто-нибудь оскорбить благородное достоинство того, кто топает рядом телегой и воняет навозом так же, как и крестьянин: сабля пойдёт в ход! Шляхтенка же отличалась от крестьянки тем, что рожь жала обязательно в перчатках. Ну, не могла же она поколоть свои благородные ручки!

Шляхтич, который был побогаче, ненавидел того, кто беднее его, хотя тот формально был равен ему по статусу. Вся же шляхта вместе ненавидела народ, среди которого жила и трудом которого кормилась, а народ, отвечая взаимностью, ненавидел шляхту. И жили они порознь, хотя и рядом. Связь между ними была только экономической. Холопы пахали во всех смыслах этого слова и платили многочисленные налоги. Некоторые перечень тех налогов приводит В. И. Яковенко в биографическом очерке “Богдан Хмельницкий”, опубликованном в 1894 году в книжной серии Ф. Павленкова “Жизнь замечательных людей”. Вот он: со всего имущества отдавать десятую часть, кроме того, платить очковое – с каждого улья, рогатое – с каждого вола, ставщину – за право ловить рыбу, спасное – за право пасти скот, желудное – за право собирать жёлуди, сухомельщину – за помол зерна, дудок – за рождение ребенка, поземщину – при женитьбе сына или выдаче замуж дочери. Каждый шаг крестьянина был обложен податями. За вход в церковь он тоже должен был платить. Даже известный иезуит Петр Скарга, имевший прямое отношение к подписанию Брестской церковной унии, вынужден был констатировать: “Нет государства, где бы подданные и земледельцы были угнетены так, как у нас, под беспредельной властью шляхты. Разгневанный землянин (земледелец. – Авт.) или королевский староста не только отнимет у бедного холопа всё, что у него есть, но и самого убьёт, когда захочет и как захочет, и за то ни от кого дурного слова не услышит”. Ещё один свидетель тех времен писал, что “крестьяне в Польше мучаются, как в чистилище, в то время как господа их блаженствуют, как в раю”.

Государство, делает вывод Рафал Земкевич, “вдруг разлетелось, как карточный домик, не потому что на него наехала какая-то сила, которой нечего было противопоставить, не в результате каких-либо катаклизмов, эпиде-

мии, землетрясения и наводнения, а потому, что попросту насквозь прогнило". Оно пришло к такому состоянию, при котором уже не было "ни власти, ни подтверждения прав, ни успешного хозяйства, ни государственного аппарата, ни армии, ни граждан, которые были бы готовы во имя общего добра отказаться хотя бы от малой части своих основных привилегий".

По сути Земкевич солидарен с Павлом Ясеницей, который тоже причину разделов Речи Посполитой видел "в факте фатального пренебрежения государственными трудами", в том, что "со времени угасания Пястов (первой польской королевской династии. — **Авт.**) по дни Станислава Августа (последнего короля Речи Посполитой. — **Авт.**) исключительные интересы власти и народа очень часто выглядели как две расходящиеся линии, временами находящиеся и в остром конфликте". Этот историк заключил, что Великое княжество Литовское, входившее в Речь Посполитую, было вовсе не республикой, а настоящей диктатурой, а диктатором был тот магнат, который в данный исторический момент располагал наибольшим влиянием. Вот его слова: "Никогда обычные землевладельцы и прочая гербовая мелочь не играли в ней ведущей роли... Великое княжество было магнатской монархией, фактически абсолютной... Литву всегда сотрясал отдельный род. Время и ход событий передавали власть из рук радзивилловских в руки Пацов, Сапег, но это не меняло сути..." Главное "несчастье государства состояло в том, что центральная власть не могла вырвать страну из-под влияния магнатов... Король был королём только в Варшаве, но не в магнатских владениях".

В этом смысле с ним солидарен и Рафал Земкевич. А оба они фактически солидарны с Фридрихом Энгельсом, которого тоже цитирует А. Мальдис и по словам которого дворянская демократия в Речи Посполитой была "одной из самых примитивных общественных форм", а потому разрушение страны стало "неумолимой, железной необходимостью". Вывод Земкевича полон горечи. Ту Речь Посполитую, пишет он, убила "только глупость её собственных жителей, их умиление всеобщим балаганом, который они привыкли отождествлять со свободой, а также безответственность, интеллектуальный и моральный упадок и, наконец, полное отсутствие политических элит, способных определить народные интересы и ими руководствоваться". Настоящей катастрофой стало для Речи Посполитой XVIII столетие, включает и Ясеница. Русским чиновникам, приезжавшим впоследствии на службу на белорусские земли, присоединённые к Российской империи в конце XVIII века, шляхетская анархия бросалась в глаза. Одному из них даже показалось, что тут "властвует сто тысяч королей", и каждый из этих "королей" не хотел расставаться ни с одной из своих вольностей. Ведь шляхтич в "своей загроде", то есть усадьбе, равен воеводе. Им никак не могли понравиться новые власти, которые ограничивали "наезды" и прочие своеволия, а тем более заставляли участвовать в прокладке дорог и иных делах государственного значения. Однако это было уже в России. А в Речи Посполитой последней попыткой спасти государство стало принятие Конституции 3 мая 1791 года.

Настальгирующие по первой Речи Посполитой потомки шляхты и иже с ними ныне оказываются в довольно сложной ситуации. Хвастаться, скажем прямо, им нечем, ведь потеряно два государства: Великое княжество Литовское и Польское королевство — федерация, которую теперь называют Речью Посполитой Обоих Народов. Невозможно отрицать и то, что ни Беларусь, ни Украина, ни Литва из той Речи не выросли бы. Потому, признавая, что "белорусский этнос... начал своё формирование и вызрел до уровня нации уже только на просторах и в контексте Российской империи", они начинают стелать, что "в формировании уже собственно белорусского этноса шляхта, считай, не участвовала", наоборот, её роль была весьма значительной в "социальной деколлективизации", а белорусский народ вырос из деревни, "плебейской части местечек и городов". Может, это и к лучшему. Упрямые факты истории побуждают нас сказать: и слава Богу, что не участвовала шляхта в белорусском строительстве! С её-то опытом!.. Тем более что настоящая элита Речи Посполитой, получавшая образование в европейских университетах, чувствующая ответственность за своё государство, утверждает Януш Тазбир, вымерла ещё в XVII веке, а те, что пришли ей на смену, были способны только на... Впрочем, об этом и шла речь на предыдущих страницах.